

Academia. Архитектура и строительство, № 4, стр. 53–61.

Academia. Architecture and Construction, no. 4, pp. 53–61.

Исследования и теория

Научная статья

УДК 721:711:72.06

DOI: 10.22337/2077-9038-2024-4-53-61

Имперские практики архитектурно-градостроительного упорядочения городского разнообразия: этно-конфессиональные окраины Казани в структуре регулярного города

Нугманова Гульчачак Гилемхановна (Казань). Кандидат искусствоведения. Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России») (111024, Москва, ул. Душинская, 9. НИИТИАГ). Эл. почта: gulchachak.n@gmail.com

Аннотация. Путешествие Екатерины II в Казань, предпринятое в мае 1767 года с целью «познакомиться с восточными областями государства», открыло ей картину разнокультурной страны. Здесь, в «Азии», императрица убедилась в целесообразности учитывать этно-конфессиональное многообразие империи, объединив населявшие её народы под общими европейскими ценностями и культурой, основанными на идеологии Просвещения. Одной из таких универсальных ценностей была религиозная веротерпимость, пришедшая на смену гонениям по отношению к поволжским мусульманам и раскольникам времён правления Елизаветы Петровны. Другим интегрирующим инструментом стала единая архитектурно-градостроительная среда российских городов, основанная на европейских художественных нормах регулярности. Статья посвящена окраинным кварталам Казани с татаро-мусульманским и русско-старообрядческим населением, интегрированным в единое городское пространство в ходе архитектурно-градостроительной модернизации жизненной среды, начиная с конца XVIII века.

Ключевые слова: Казань, имперские практики, этно-конфессиональное многообразие, архитектурно-градостроительное упорядочение, татары-мусульмане, старообрядцы.

Финансирование. Исследование выполнено за счёт средств Государственной программы фундаментальных научных исследований Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы) в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2024 год, тема № 1.1.6.1 «Архитектурная организация городского пространства: целостность и дискретность».

Для цитирования. Нугманова Г.Г. Имперские практики архитектурно-градостроительного упорядочения городского разнообразия: этно-конфессиональные окраины Казани в структуре регулярного города // Academia. Архитектура и строительство. – 2024. – № 4. – С. 53–61. – DOI: 10.22337/2077-9038-2024-4-53-61.

Imperial Practices of Architectural and Urban Planning Ordering of Urban Diversity: Ethnic and Confessional Outskirts of Kazan in the Structure of a Regular City

Nugmanova Gulchachak G. (Kazan). Candidate in Art Studies. The Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (TsNIIP) (9 Dushinskaya st., Moscow, 111024. NIITIAG). E-mail: gulchachak.n@gmail.com

Abstract: Catherine II's trip to Kazan, to "Asia," which she undertook in May 1767 with the goal of "getting acquainted with the eastern regions of the state," revealed to her a picture of a multicultural country. It was here that the empress became convinced

of the expediency to take into account the ethnic and confessional diversity of the empire by uniting its peoples under common European values and culture based on the ideology of the Enlightenment. One of these universal values was religious tolerance, which replaced the persecution of Volga Muslims and Old believers during the reign of Elizabeth Petrovna. Another integrating tool was the unified architectural and urban planning environment of Russian cities, based on European artistic norms of regularity. The article is devoted to the outlying quarters of Kazan inhabited by Muslim Tatars and Russian Old Believers, transformed in the course of modernization of the urban environment since the late 18th century.

Keywords: Kazan, imperial practices, ethnic and confessional diversity, architectural and urban ordering, Tatar Muslims, Old believers

Funding. The research was carried out with the funds of the state program of the Russian Federation "Scientific and Technological Development of the Russian Federation" for 2021–2030 within the Plan of Fundamental Scientific Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences and the Ministry of Construction of Russia for 2024, topic No. 1.1.6.1 "Architectural organization of urban space: integrity and discreteness".

For citation. Nugmanova G.G. Imperial Practices of Architectural and Urban Planning Ordering of Urban Diversity: Ethnic and Confessional Outskirts of Kazan in the Structure of a Regular City. In: *Academia. Architecture and Construction*, 2024, no. 4, pp. 53–61, doi: 10.22337/2077-9038-2024-4-53-61.

Путешествие Екатерины II в Казань, предпринятое ею в мае 1767 года с целью «познакомиться с восточными областями государства» [1], предопределило последующую государственную политику. Представшая здесь, в «Азии», перед ней картина разнокультурной страны убедила императрицу в целесообразности учитывать этно-конфессиональное многообразие империи [2, с. 186]. «Необходимо шить такое платье, которое оказалось бы пригодно всем», – писала Екатерина Вольтеру из «столицы большого царства», очерчивая концепцию своего правления, сформулированную ею, как «целый мир создавать, объединять, охранять» [3, с. 20–21]. Таким «платьем, пригодным всем», – то есть способным объединить населявшие страну народы, – стали общие европейские ценности и культура, основанные на идеологии Просвещения. Одной из таких универсальных ценностей была религиозная веротерпимость, пришедшая на смену гонениям по отношению к поволжским мусульманам и раскольникам времён царствования Елизаветы Петровны. Другим интегрирующим инструментом стала единая архитектурно-градостроительная среда российских городов, основанная на европейских художественных нормах регулярности.

Казань оказалась в числе первых российских городов, для которых Комиссия для строения Санкт-Петербурга и Москвы разработала проекты перепланировки. Регулярный план, составленный после двух первых неудачных попыток архитектором комиссии В.И. Кафтыревым «на месте», получил конфирмацию 17 марта 1768 года¹. Традиционная трёхчастная радиально-кольцевая структура средневекового города, располагавшегося у слияния рек Казанки и Булака,

включала историческое ядро – древний кремль XVI–XVII веков, окружённый посадом (его деревянные стены исчезли в 1730-е годы), и множеством слобод (средневековая планировка Казани отражена на ряде планов XVIII века² [4, с. 198]). В двух из них – Старой и Новой Татарских – проживало татарское население Казани.

Старая Татарская слобода образовалась вскоре после завоевания города русскими у истока реки Булак на левом побережье озера Кабан. От посада её отделяли обширное мусульманское кладбище (на плане Казани 1740 года оно обозначено как «татарское»³ и кварталы Панской, Ямской и Тихвинской слобод с русским населением. Кладбище было старше событий 1552 года, связанных с завоеванием Казани войсками Ивана Грозного: просветитель и историк XIX века Шагабутдин Марджани описывает, как среди кладбищенских деревьев прятался участвовавший в штурме Казани Шах Али [5, с. 206–207]. Возникновение расположенной в отдалении Новой татарской слободы связано с трагическими для татар событиями 1740-х годов, когда в рамках масштабной кампании христианизации начала царствования Елизаветы Петровны на территории Татарской слободы поселили новокрещённых татар, и часть её населения предпочла переселиться на вновь отведённое правительством место [6]. Новокрещёнская слобода заняла кварталы вдоль главной слободской улицы, на которой появились деревянная церковь Четырёх Евангелистов и Новокрещёнская контора с церковью Захарии и Елисаветы – миссионерское учреждение для обращения в православие коренных народов Поволжья. Однако новокрещённых здесь было «самое малое число», и татары-мусульмане по-прежнему

¹ Полное собрание законов Российской Империи : Собрание 1-е : Книга чертежей и рисунков : Планы городов. – Санкт-Петербург, 1830–1851 // РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 409.

² См. также: РГВИА. Ф. 349. Оп. 17. Д. 198.

³ Там же.

оставались основными жителями улицы. Именно здесь они пожелали возвести две каменные мечети, разрешённые Екатериной II во время её пребывания в Казани. Здания с фасадами в стиле барокко не только стали архитектурным олицетворением объявленной государством веротерпимости, но и ознаменовали собой возрождение традиции монументального культового зодчества казанских татар, утраченной более двухсот лет назад.

Регулярный план 1768 года радикально менял сложившуюся планировку города, границы которого были существенно расширены за счёт включённых в городскую черту слобод. В соответствии с новой структурой город состоял из собственно города и его предместья. Запроектированный между ними ров спускался от кремлёвского холма к Булаку и тянулся дальше вниз, пересекая кварталы Кирпичной и Татарской (Старой) слобод и разделяя каждую из них на две части, одна из которых оказывалась в городской черте, а другая – в предместье. Вошедшая в состав города часть Татарской (Старой) слободы предполагалась под застройку домами русских жителей. Здесь, на месте мусульманского кладбища, была запроектирована торговая Сенная и конная площадь. Другая половина татарского поселения должна была составить новую, отведённую планом Татарскую (Старую) слободу в предместье, которую предстояло построить новыми регулярными кварталами. При этом подлежала ликвидации главная слободская улица, на которой возвышались две разрешённые Екатериной II каменные мечети с фасадами в стиле барокко. К югу от неё устраивалась новая, пересечённая квадратной в плане площадью.

Однако в ходе реализации утверждённого плана вопреки первоначальному замыслу старая слободская улица была сохранена и пересечена в местах расположения мечетей переулками, поскольку именно так, на углу квартала, согласно татарской традиции, полагалось мусульманским храмам располагаться [7, с. 63]. Несмотря на нахождение в татарском

Рис. 1. Единоверческая церковь Четырёх Евангелистов. Фото конца XIX века (источник: Архив автора)

поселении, улица по принятому в русских поселениях обычаю получила название Захарьевской по находившейся на ней церкви Новокрещенской конторы. Однако первоначальное её значение сохранилось в городской топонимике – под названием «Старой слободской» она обозначена на чертеже 1800 года [8]. Церковь просуществовала много лет и после упразднения миссионерского учреждения в 1764 году вплоть до 1825 года, когда была разобрана за ветхостью. Тем не менее участок сохранил свою православно-просветительскую функцию и в дальнейшем: в 1872 году в период волны миссионерской активности второй половины XIX столетия на месте Новокрещенской конторы появилось представительное здание инородческой учительской семинарии с домовою церковью Захарии и Елисаветы.

В 1769 году деревянный храм Четырёх Евангелистов на берегу озера Кабан в Татарской (Старой) слободе был по инициативе частного лица заменён каменным. Возведённое одновременно с «екатерининскими» мечетями здание имело фасады в единой с ними стилистике барокко (рис. 1). Вплоть до конца XVIII столетия оно по причине отсутствия прихода находилось в запустении, пока в 1797 году архиепископ казанский Амвросий не передал «стоящую в праздности» церковь старообрядческой общине [9], предвосхитив указ Павла I 1800 года об официальном учреждении единоверческой традиции для перевода старообрядцев в Русскую православную церковь⁴. Старообрядческой она обозначена на планах города первых десятилетий XIX века⁵.

Таким образом, предназначавшаяся для новокрещённых инородцев православная церковь стала местом отправления религиозных обрядов казанских старообрядцев. Её расположение в русско-татарском пограничье на прилегающей к городскому посаду прибрежной территории у истока Булака оказалось крайне благоприятным. С петровских времён эти соседние с Татарской (Старой) слободой кварталы Панской и Кирпичной слобод населяли русские старообрядцы. Относительно толерантное правление Екатерины II позволило им возвести на правом берегу Булака каменную церковь в честь иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость», чаще называвшуюся Коровинской часовней по имени её устроителя – проживавшего по соседству купца И.И. Коровина. Следовательно, трансформация статуса расположенного напротив по диагонали храма Четырёх Евангелистов из православного в единоверческий вполне отвечала «старообрядческой» конфессиональной специфике места.

Подобно Татарской (Старой) слободе, заселённые староведами кварталы Кирпичной слободы по утверждённому плану города разделялись ровом на две части, первая из которых вместе с Коровинской часовней оказалась в черте города, а

⁴ Полное собрание законов Российской Империи : Собрание 1-е : Т. 26 (1800–1801). № 19621. 17 октября 1800 г. О дозволении старообрядцам строить церкви.

⁵ КФУ НБЛ ОРПК. Ф. единичных поступлений. Ед. хр. 440, 4062.

другая – в предместье. Кварталы в предместье вместе с другими протянувшимися вдоль правого берега Кабана поселения средневековой Казани образовали единое регулярное пространство Суконной слободы. Здесь в доме И.В. Крохина на Георгиевской улице находилась тайная молельня и укрывался в 1773 году бежавший из Казанского острога Емельян Пугачёв [10, с. 34]. Место обитания здешних старообрядцев в новой формирующейся городской среде фиксировали их лавки, закрепившие границы вновь разбитых регулярных кварталов в пограничной между городом и предместьем зоне. Одни положили начало оформлению заложенной планом ромбовидной площади «для привозных мяс, рыб и дров». Другие, как устроенные купцом П.М. Рязановым мясные ряды, протянувшиеся на три квартала вдоль предполагаемого рва, образовали новую Рязановскую (позднее – Мяснорядскую) площадь⁶.

Расположенные по другую сторону Булака в бывших кварталах Панской слободы усадьбы купцов-старообрядцев определили облик северной стороны Сенной и конной площади, запроектированной, как было сказано, на месте мусульманского кладбища. Одна из них, прозванная казанцами «Рязановской лаврой», принадлежала многочисленному семейству упомянутого выше купца П.М. Рязанова. Родоначальник большой династии проживал здесь вместе со своими сыновьями, внуками и правнуками, так что, по воспоминаниям старожилов, за обеденный стол садилось до семидесяти человек со стариком во главе [11]. Архивные источники дают представление о сохранившемся от «дорегулярной» застройки главном усадебном доме, описывая его каменным двухэтажным, расположенным во дворе, в десять и восемь окон и в десять и семь комнат в верхнем и нижнем этажах соответственно⁷. В результате перепланировки местности это крестообразное в плане древнее строение оказалось в центре обширного участка, значительную часть которого занимал сад с видом на Булак и расположенную по другую сторону реки старообрядческую Коровинскую часовню. К Сенной и конной площади были обращены флигели и лавки с фасадами по государственным образцовым проектам⁸. Подобный облик приобрели и другие вновь разбитые здесь по регулярному плану владения местных старообрядческих семейств Устиновых, Санниковых, Фоминых. Последним принадлежала большая угловая усадьба, которой владели три брата – Евсей, Лаврентий и Хрисанф Фёдоровичи Фомины, позднее разделившие её между собой. Границы семейного гнезда расширились с приобретением Хрисанфом ещё одно-

го – расположенного напротив через улицу – владения для своей дочери⁹.

Более радикально отозвались на градостроительные нововведения не приемлющие священства старообрядцы-беспоповцы старопоморского согласия, проживавшие здесь же поблизости в Тихвинской слободе и оказавшиеся по южную сторону запроектированной Сенной и конской площади. Община, оставив молельню и богадельню, избрала для своего обитания более уединённое место на берегу Прилуцкого озера в подгородной слободке при стекольном заводе. С этой целью записавшийся в казанское купечество в 1807 году В.А. Савинов в течение девяти лет последовательно одно за другим скупал для единоверцев слободские владения [12].

Съёмочные планы, фиксирующие ход перепланировочных процессов в городе, показывают, что вплоть до первых десятилетий XIX века на территории прежней Татарской (Старой) слободы и прихода Тихвинской церкви сохранялись фрагменты неурегулированной застройки, «где и поныне есть жительство, бывшее до 768 года». Тем не менее процесс шёл. Проживавшие здесь слободские татары, не пожелав перебираться во вновь отведённую в предместье Татарскую (Старую) слободу, постепенно отселялись, приводя свои усадьбы в соответствие с регулярными кварталами. Так, в продолжение восточной стороны Сенной и конной площади образовалась улица, в южной оконечности которой в 1798 году появилась третья в Казани каменная мечеть (рис. 2). Её облик в формах раннего классицизма запечатлел в рисунке Василий Турин, назвавший здание главной татарской мечетью. Сама улица в документах середины XIX века и 1880-х годов именуется Татарской. Источники указывают и имена первых жителей этой татарской части Забулачья, построивших свои дома в 1804–1805 годы¹⁰ [5, с. 375]. Среди «татарских» лавок Сенной и конной площади, в основном деревянных, выделялось двухэтажное каменное здание, в верхнем этаже которого над лавками купцов Юнусовых разместилась особая татарская ратуша¹¹. Основанная в 1781 году по разрешению Екатерины II, она вплоть до 1855 года регулировала повседневную жизнь казанских татар.

Рис. 2. Главная татарская мечеть. В.С. Турин. 1834 год. Воспроизводится по альбому «Перспективные виды губернского города Казани»

⁶ КФУ НБЛ ОРРК. Ф. единичных поступлений. Ед. хр. 440, 4062.

⁷ ГАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 3534. Л. 41–44.

⁸ ГАРТ. Ф. 408. Оп. 2. д. 496.

⁹ ГАРТ. Ф. 408. Оп. 2. Д. 494.

¹⁰ ГАРТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 3534.

¹¹ Купеческая управа для управления делами татарских купцов и мещан, проживавших в Старо-Татарской и Ново-Татарской слободах города Казани в 1781–1855 годах.

Со временем по мере расширения торговли и застраивания площади возникла потребность в возведении здесь отдельной мечети для прибывающих в Казань многочисленных торговцев-мусульман. О разрешении на её постройку в 1818 году ходатайствовала купеческая вдова Габида Китаева, называя при этом место «старо-татарской слободой» и описывая его: «среди татарских домов близ Сенного базара против дома и лавок казанских купцов Юнусовых»¹². Таким образом, вопреки плану эта часть русского Забулачья продолжала оставаться в восприятии казанских татар прежней – «дорегулярной» – Татарской (Старой) слободой.

Мечеть появилась на площади, утратившей к этому времени вторую часть своего названия и именованной просто Сенной, только в 1845 году. Её возвёл на своём участке напротив татарской ратуши почётный гражданин Казани И.Г. Юнусов, поставив «минарет и вовнутрь двора мечеть» по диагонали квартала. Вдоль улиц с обеих сторон к ним примкнули ряды лавок, доход от которых купец жертвовал в пользу татарских детских приютов города. Включение лавок внесло изменение в образцовый проект мечети 1843 года и повлекло за собой необходимость его повторного утверждения императором¹³. Здание с массивным куполом и отдельно стоящим минаретом зримо обозначило «татарскость» места (рис. 3), способствуя дальнейшей экспансии здесь татарских владений, особенно усилившейся после пожара 1859 года. Ярким событием стало сооружение в 1860-е годы купцом З.Б. Усмановым Г-образного в плане торгового здания – так называемого «усмановского корпуса», ставшего своего рода «татарским» гостиним двором [13, с. 722–725].

Естественной границей, отделявшей по южной стороне площади татарские торговые усадьбы от русских, служил переулок, ведущий с площади к Тихвинской церкви. Среди владений, относившихся к её приходу, казанцам хорошо известен был дом доктора-немца Карла Фукса в юго-западном углу Сенной площади. Прибыв в Казань из Германии, профессор

Рис. 3. Сенная мечеть на Сенной площади. Фото начала XX века (источник: архив автора статьи)

Казанского университета специально поселился вблизи татарских кварталов, намереваясь изучить жизнь и быт местных татар. Результатом исследований стали две написанные им книги – «Краткая история города Казани» (1817) и «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении» (1844). Именно в этот отмеченный куполом угловой дом приходил в 1833 году за консультациями Александр Пушкин, собирая материал для своей книги по истории пугачёвского бунта. В соседнее, обращённое к площади двумя крупными корпусами каретных лавок владение Чепариных в 1870-е годы (в это время оно уже принадлежало З.Б. Усманову) вселится семейство будущего певца Фёдора Шаляпина, любившего, по его собственным воспоминаниям, в этот период своего детства проводить время в экипажах, привезённых чинить или только что изготовленных [14, с. 37].

Таким образом, Сенная площадь Казани сосредоточила вблизи себя как татар-мусульман, так и относившихся к обеим ветвям православия русских, населявших эту территорию и до преобразований. В отличие от русских владельцев, состоятельные татары-купцы сами на площади не проживали, поскольку восточная градостроительная традиция требовала разделения жилого и торгового пространств в городской структуре [15]. Но однажды эти каноны были нарушены новым поколением разбогатевших купцов из сельской местности: братья Губайдулла и Хайбулла Абдуллины поселились в двух смежных владениях по соседству с описанной выше «рязановской» усадьбой¹⁴, перенеся в городскую среду другую, знакомую по старым татарским селениям традицию так называемого «гнездового» расселения, заключающуюся в совместном проживании родственных семей [16].

Однако подобную практику мы наблюдали и в жилище русских старообрядцев: вспомним ту же усадьбу Рязановых, в которой глава семейства обитал со своими сыновьями и внуками. Подобно братьям Абдуллиным, владели соседними участками и купцы-старообрядцы Фомины, демонстрируя адаптацию привычного уклада жизни к новым культурным условиям. Следовательно, эта архаическая традиция «почкующейся» застройки являлась скорее отражением общих древнейших архетипов, чем следствием обычаев, присущих исключительно татарам. Её большая устойчивость в татарских и старообрядческих кварталах видится в более длительном сохранении важной роли родственных связей как одной из форм сплочённости общины, особенно необходимой в условиях чужеродного окружения.

Между тем положение старообрядцев с началом правления Николая I стремительно ухудшалось. Вследствие указа 1826 года о запрете строить и исправлять раскольнические храмы¹⁵ к середине XIX столетия Коровинская часовня на

¹² ГАРТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23. Л. 653.

¹³ ГАРТ. Ф. 409. Оп. 15. Д. 2.

¹⁴ ГАРТ. Ф. 408. Оп. 2. Д. 468; ГАРТ. Ф. 408. Оп. 2. Д. 471.

¹⁵ О недозволении раскольникам строить вновь ничего похожего на церкви // ПСЗ-2. Т. 1 (12 декабря 1825–1826). 1826. № 584.

Булаке окончательно обветшала, став предметом секретной переписки между министром внутренних дел С.С. Ланским и Казанским военным губернатором И.А. Баратынским. В 1852 году по личному указанию императора часовня была разобрана¹⁶. Оставшаяся без храма община перебралась для совершения своих молитвенных обрядов в молельню, устроенную в частном доме на Большой Проломной улице.

Критичным для её верхушки стал 1854 год, когда появился указ, запретивший раскольникам записываться в купеческие гильдии и спровоцировавший массовую волну перехода старообрядцев в единоверие [17, с. 31]. В том же году последовало ходатайство о разрешении на строительство на месте Коровинской часовни единоверческой церкви, поданное казанскими купцами А.К. Подуруевым и И.П. Рязановым¹⁷. Так, в контактной зоне между кварталами проживания представителей двух ветвей православия появился второй в Казани единоверческий храм, отражавший компромиссную форму единения старообрядцев с государством. Возведённое в 1858 году здание являло собой пример близкого воспроизведения проекта под № V из первого альбома Константина Тона 1838 года и представляло собой небольшое вытянутое бесстолпное сооружение с одной крупной луковичной главой на гранёном барабане и шатровой колокольней¹⁸ (рис. 4).

Большая часть старообрядцев, не желавших идти на компромисс, вынуждена была собираться в молельнях, устроенных в частных домах по окраинам города, в основном в Суконной слободе – традиционном районе компактного проживания казанских староверов. Исключение составляла молельня, размещившаяся в доме купца И.П. Карпова на Большой Проломной – центральной торговой улице, и служившая после закрытия часовни на Булаке центром общины Белокриницкой иерархии в Казани. В 1880-е годы община предприняла попытку построить отдельный храм, собрав для этих целей значительную сумму денег и приобретя участок в Суконной слободе, и даже сумела возвести высокое двухсветное кирпичное сооружение. Однако власти пресекали на корню все попытки, беря с владельцев подписки об отказе от открытия молельни в принадлежавших им зданиях [18, с. 271–272].

Ситуация радикально изменилась с появлением манифеста от 17 апреля 1905 года (об укреплении начал веротерпимости), провозгласившего свободу вероисповеданий в стране. Увенчанный пятью главами белокриницкий Покровский храм был заложен в мае того же 1905 года месяц спустя после выхода манифеста о веротерпимости и через два года освящён [18, с. 271–272]. Обрели свои официальные храмы и старообрядцы-беспоповцы поморского согласия. Новопоморская община возвела свою одноглавую церковь Казанской Божьей матери в 1910 году здесь же в Суконной

слободе [18, с. 275]. Так, два выразительных архитектурных сооружения, выделявшиеся среди других городских храмов краснокирпичными стенами и формами древнерусской новгородско-псковской архитектуры, явственно обозначили собой «старообрядческую» конфессиональную окрашенность Суконной слободы Казани.

В то же время представители другой более фундаментальной ветви поморцев ограничились легализацией и переустройством своих старых молелен. Религиозными центрами казанских старопоморцев стали трёхэтажный дом Шашабриных здесь же в Суконной слободе, возведённый владельцами в конце XIX века на месте старой молельни XVIII столетия (той, в которой прятался Пугачёв), а также восстановленный пригородный Прилуцкий скит, закрытый во времена гонений николаевской эпохи [18, с. 274]. Считается, что в старообрядческой среде христианская составляющая мотивации благотворительности была более осмысленной и преобладающей [19]. Поэтому грандиозное, величественно возвышавшееся над окружающей застройкой трёхэтажное здание городской больницы в стиле модерн, возведённое в 1910 году на Третьей горе по инициативе и на средства купца Я.Ф. Шамова, не менее эффектно, чем вышеназванные храмы, утверждало «старообрядческое» присутствие в Суконной слободе.

Между тем в начале XX века Сенная площадь приобрела для казанских татар особое, выходящее за рамки просто архитектурно-градостроительного образования значение, став

Рис. 4. Единоверческая Никольская церковь. Фото начала XX века (источник: архив автора статьи)

¹⁶ ГАРТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 791.

¹⁷ ГАРТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1005. Л. 5–6.

¹⁸ ГАРТ. Ф. 408. Оп. 3. Д. 28; ГАРТ. Ф. 408. Оп. 3. Д. 29.

символом национального возрождения. С ростом народного самосознания и формированием гражданских отношений впервые в татарском обществе возникла потребность в общественных зданиях. Эту роль стали выполнять сконцентрировавшиеся на площади доходные дома и гостиничные номера, в которых обосновались конторы торговых домов и редакции многочисленных газет и журналов, которые после манифеста 17 октября 1905 года (об усовершенствовании государственного порядка), даровавшего народу политические свободы и права, появились как грибы после дождя. В гостиницах «Амур» и «Караван-Сарай» находились соответственно редакции газет «Кояш» («Солнце») и «Азат» («Свободный»). В «Апанаевском подворье» разместились контора Торгового товарищества «Китап» («Книга») и жил, работая экспедитором, татарский поэт Габдулла Тукай. Кочевал из номеров «Булгар» по частным домам основанный в 1907 году «Восточный клуб», пока не перебрался в обустроенные помещения доходного дома Апанаева на Евангелистовской улице. В тех же доходных домах и номерах поселились татарские интеллектуалы, много думавшие и говорившие в те годы о судьбах татарской нации, проводили встречи и собрания различные общества и союзы. Одну из подобных встреч иронично описал в 1908 году писатель Фатих Амирхан в своём рассказе «Как способствовать прогрессу нации». Его главный герой, регулярно посещавший выступления некоего казиза¹⁹ Сагита на Сенной площади, вдохновился идеями о возрождении татарской нации. Вместе с другими шакирдами²⁰ они организовали своё патриотическое общество, заседание которого провели в номере гостиницы «Сарай» [20]. Так расположенная за пределами назначенной планом Татарской (Старой) слободы торговая Сенная площадь стала средоточием общественной жизни казанских татар. Для них возникшее на месте древнего мусульманского кладбища и дорегулярного татарского поселения городское пространство стало сакральным. Живучесть в памяти народа образа древнего мусульманского кладбища, когда жители фиксировали расположение могил своих дедов и прадедов, «привязывая» их к современной застройке, отмечал в конце XIX века Ш. Марджани [5, с. 206–207].

Историческая значимость места обусловила постепенное и целенаправленное вытеснение русского населения и распространение татарских владений. Большое количество владений скупил после пожара 1859 года купец З.Б. Усманов. В начале XX века татарам принадлежали почти все расположенные здесь владения. На отдалённой от шумного базара Мещанской улице появились особняки нового поколения разбогатевшего татарского купечества. Татарские владения имелись и в других частях города – им принадлежали дома на центральных Воскресенской, Проломной, Вознесенской

улицах, лавки в Гостином Дворе и на Хлебной площади. Но важно то, что в районе Сенной площади была фактически территориально воссоздана прежняя – дорегулярная Татарская (Старая) слобода.

К середине 1860-х годов одиннадцать оставшихся в приходе Тихвинской церкви русских владений оказались в окружении татарских. Когда З.Б. Усманов задумал строительство здесь ещё одной мечети, это близкое соседство спровоцировало серьёзный конфликт между мусульманами и местными православными властями, вынудив центр вмешаться. Скупив выгоревшие участки для переселения татарских семейств, купец обеспечил не только место для будущего строительства, но и необходимое для регистрации нового мусульманского прихода количество прихожан. Заложенная в 1866 году мечеть год спустя уже была близка к завершению, когда её обнаружил казанский архиерей Антоний. Здание, строившееся «через одну лишь улицу и почти прямо против этой [Тихвинской] церкви», глубоко возмутило церковного чиновника, воспринявшего инцидент не иначе как «унижение для достоинства православной веры»²¹. Такая реакция отражала взятый правительством курс, требовавший поддержания православной церкви как национальной.

Однако предпринятое по распоряжению министра внутренних дел дознание показало законность строительства: Тихвинская улица по обеим сторонам была заселена татарами, число прихожан ближайшей мечети значительно превышало норму, не было в Казани и случаев отпадения православных в магометанство. Строительный устав неопределённо регламентировал расстояние между православными и мусульманскими храмами, требуя лишь отсутствия «соблазна для православного русского народа», определяемого духовным начальством на глаз. В 1875 году при строительстве следующей Казаковской мечети расстояние отсчитывалось от единоверческой церкви Четырёх евангелистов – составившее 256 сажень, оно вполне гарантировало её безопасное расположение²².

Явлением начала XX столетия стало заселение татарами правобережья озера Кабан в Суконной слободе – традиционно «русской» части города, с давних пор освоенной представителями старообрядческой составляющей его православного населения. Теперь здесь стали селиться и татары – работавшие на городских промышленных предприятиях сельские мигранты. Так, впервые в истории Казани мусульманский приход сформировался за пределами татарских слобод. Проект Закабанной мечети, посвящённой 1000-летней дате принятия ислама в Поволжье булгарами, был разработан в 1914 году, однако возвели её только в советское время [21, с. 165–167].

* * *

Проделанный краткий обзор архитектурно-градостроительных процессов на окраинах Казани по берегам реки Булака и озера Кабана с татаро-мусульманским и русско-старообрядческим населением показал, что созданное в ходе модернизации городской среды регулярное пространство

¹⁹ Казий – мусульманский судья.

²⁰ Шакирд – студент – ученик медресе или аналогичного мусульманского учебного заведения.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 659.

²² ГАРТ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 735.

культурно объединило разные этно-конфессиональные группы населения города, сохранивших при этом как территории своего проживания, так и традиции, хотя и скрытые за общим европейским обликом кварталов. Осознание места, веками передававшееся из поколения в поколение, сохранялось в коллективной памяти населения, являя пример консерватизма массового сознания как в вопросах топонимики, так и в целом в восприятии жизненного пространства.

Принятые сокращения

КФУ НБЛ ОРПК – Казанский федеральный университет. Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского, отдел рукописей и редких книг.

ГАРТ – Государственный архив Республики Татарстан.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РГВИА – Российской государственной военно-исторический архив.

Список источников

1. *Ибнеева, Г.В.* Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 году: узнавание империи / Г.В. Ибнеева. – Текст : непосредственный // *Ab Imperio*. – 2000. – № 2. – С. 87–104.

2. *Уортман, Р.С.* Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии : Материалы и исследования : В 2 томах : Том 1 / Ричард С. Уортман. – Москва : ОГИ, 2002. – 606 с. – Текст : непосредственный.

3. Вольтер и Екатерина II : переписка / Перевод В.В. Чуйко. – Санкт-Петербург : Издание В.В. Чуйко, 1882. – 242 с. – Текст : непосредственный.

4. *Калинин, Н.Ф.* Казань 18-го века : По неизданным картографическим и иконографическим материалам / Н.Ф. Калинин. – Казань, 1955. – 12 с. – Текст : непосредственный.

5. *Марджани, Ш.Б.* Мустафадель-ахбар фи ахвали казан ва Болгар (Источники по истории Казани и Булгара) / Ш.Б. Марджани. – Казань : Татарское книжное издательство, 1989. – 414 с. – Текст : непосредственный. (На тат.)

6. *Гилязов, И.А.* Татарские слободы города Казани / И.А. Гилязов. – Текст : непосредственный // Татарские слободы Казани : очерки истории. – Казань : Институт истории АН РТ, 2002. – 302 с. – С. 60–74.

7. *Халитов, Н.Х.* Памятники архитектуры Казани XVIII – начала XIX в. / Н.Х. Халитов. – Москва : Стройиздат, 1989. – 192 с. – Текст : непосредственный.

8. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия : Материал для истории православного русского миссионерства / Сост. и авт. предисл. Н. Ильминский. – Казань : типография Университета, 1883. – 356 с. – Текст : непосредственный.

9. Единоверие и его столетнее организованное существование в русской церкви / Составитель свящ. Семён Шлеев. – Санкт-Петербург : Типолиотография В.В. Комарова, 1901. – 71 с. – Текст : непосредственный.

10. Достойны памяти потомков (Городские головы Казани 1767–1917 гг.) : Сборник документов и материалов / Сост. А.М. Димитрева [и др.]; ред. Л.В. Горохова, Д.Р. Шарафутдинов. – Казань : Гасыр, 2002. – 351 с. – Текст : непосредственный.

11. *Агафонов, Н.Я.* Историческая объяснительная записка наименований казанских улиц / Н.Я. Агафонов. – Казань : Типография губернского правления, 1899. – 42 с. – Текст : непосредственный.

12. *Клочков, А.* Как старообрядцы в начале XIX выкупили себе казанскую слободу / А. Клочков. – Текст электронный // Портал «Реальное время». 04.05.2022. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/249459-kak-starobryadcy-v-nachale-xix-vykupili-sebe-kazanskuyu-slobodu> (дата обращения 18.09.2024).

13. Систематический сборник постановлений Казанской городской думы за 22 года (с 1871 по 1892 включительно) / Сост. Н.Н. Постниковым. – Казань : Казанская городская управа, 1898. – Текст : непосредственный.

14. *Шаляпин Ф.И.* Страницы из моей жизни; Маска и душа / Ф. Шаляпин. – Москва : Книжная палата, 1990. – 462. – Текст : электронный.

15. *Bilsel, G.* The Ottoman Port City of Izmir in the 19th Century: Cultures, Modes of Space Production and the Transformation of Urban Space / G. Bilsel; Nur Akin, Afife Batur, Selcuk Batur (eds.). – Текст : непосредственный // *7 Centuries of Ottoman Architecture: «A Supra-National Heritage»*. – Istanbul, 2000. – P. 225–233.

16. Этнографическое описание Казанской губернии / Текст : непосредственный // Журнал МВД. – 1841. – Т. XXXIX. – С. 406–407.

17. *Юхименко, Е.М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставою / Е.М. Юхименко. – Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 280 с. – Текст : непосредственный.

18. Республика Татарстан: православные памятники (середина XVI – начало XX веков) / Е.В. Липаков, Е.В. Афонина, Е.Б. Долгов [и др.]; ответственный редактор Ю.И. Смыков. – Казань : Фест, 1998. – 303 с. – Текст : непосредственный.

19. *Карташёва, Е.И.* Благотворительная деятельность купцов-старообрядцев и старообрядческих общин Казани в конце XIX – начале XX в. / Е.И. Карташёва. – Текст : непосредственный // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 9–27.

20. *Амирхан, Ф.* На перепутье / Фатих Амирхан; перевод с татарского. – Казань : Татарское книжное издательство, 1979. – 334 – С. 26–33. – Текст : непосредственный.

21. *Салихов, Р.Р., Хайрутдинов Р.Р.* Исторические мечети Казани / Р.Р. Салихов, Р.Р. Хайрутдинов. – Казань : Татарское книжное издательство, 2005. – 191 с. – Текст : непосредственный.

References

1. Ibneeva G.V. Puteshestvie Ekateriny II po Volge v 1767 godu: uznvanie imperii [The Journey of Catherine II along the Volga in 1767: the Recognition of the Empire]. In: *Ab Imperio*, 2000, no. 2, pp. 87–104. (In Russ.)

2. Wortman, R. S. Stsenarii vlasti : Mify i tseremonii russkoi monarchii : [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy], Materials and studies, in 2 volumes, Vol. 1. Moscow, OGI Publ., 2002, 606 p. (In Russ.)
3. Vol'ter i Ekaterina II : perepiska [Voltaire and Catherine II: Correspondence], translation by V.V. Chuiko. St. Petersburg, V.V. Chuiko Publ., 1882, 242 p. (In Russ.)
4. Kalinin N.F. Kazan' 18-go veka : Po neizdannym kartograficheskim i ikonograficheskim materialam [Kazan in the 18th Century: On unknown cartographic and iconographic materials]. Kazan', 1955, 12 p. (In Russ.)
5. Mardzhani Sh.B. Mustafadel'-akhbar fi akhvali kazan va Bolgar [Sources on the History of Kazan and Bulgara]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo [Tatar Book Publishing House], 1989, 414 p. (In Tat.)
6. Gilyazov I.A. Tatarskie slobody goroda Kazani [Tatar Settlements of the City of Kazan]. In: *Tatarskie slobody Kazani [Tatar Settlements of Kazan]*, essays on history]: ocherki istorii. Kazan', Institut istorii AN RT [Institute of History of AN RT], 2002, 302 p., pp. 60–74. (In Russ.)
7. Khalitov N.Kh. Pamyatniki arkhitektury Kazani XVIII – nachala XIX v. [Architectural Monuments of Kazan of the 18th – Early 19th Centuries]. Moscow, Stroiizdat, 1989, 192 p. (In Russ.)
8. Il'minskii N.I. (comp. and author of the foreword). Opyty perelozheniya khristian verouchitel'nykh knig na tatarskii i drugie inorodcheskie yazyki v nachale tekushchego stoletiya. Material dlya istorii pravoslavnogo russkogo missiонерства [Experiences in Translating Christian Doctrinal Books into Tatar and Other Foreign Languages at the Beginning of the Current Century: Material for the History of Russian Orthodox Missionary Work]. Kazan', University Printing House, 1883, 356 p. (In Russ.)
9. Semyon Shleev, priest (comp.). Edinoverie i ego stoletnee organizovannoe sushchestvovanie v russkoi tserkvi [Edinoverie (unity of faith) and its century-long organized existence in the Russian Church]. St. Petersburgm Typographical Printing House of V.V. Komarov, 1901, 71 p. (In Russ.)
10. Dimitreva A.M. (et al.) (comp.), L.V. Gorokhova, D.R. Sharafutdinov (eds.). Dostoiny pamyati potomkov (Gorodskie golovy Kazani 1767–1917 gg). Sbornik dokumentov i materialov [Worthy of the Memory of Descendants (Mayors of Kazan 1767–1917)], Collection of documents and materials. Kazan', Gasyr Publ., 2002, 351 p. (In Russ.)
11. Agafonov N.Ya. Istoricheskaya ob"yasnitel'naya zapiska naimenovaniy kazanskikh ulits [Historical Explanatory Note on the Names of Kazan Streets]. Kazan', Tipografiya gubernskogo pravleniya [Printing house of the provincial government], 1899, 42 p. (In Russ.)
12. Klochkov Aleksei. Kak staroobryadtsy v nachale XIX vykupili sebe kazanskuyu slobodu [How the Old Believers Bought Themselves a Kazan Settlement at the Beginning of the 19th Century]. *Portal "Real Time"*. 04.05.2022. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/249459-kak-staroobryadcy-v-nachale-xix-vykupili-sebe-kazanskuyu-slobodu> (Accessed 09/18/2024). (In Russ.)
13. Postnikov N.N. (comp). Sistematicheskii sbornik postanovlenii Kazanskoj gorodskoi dumy za 22 goda (s 1871 po 1892 vklyuchitel'no) [Systematic collection of resolutions of the Kazan City Duma. Systematic collection of resolutions of the Kazan City Duma for 22 years (from 1871 to 1892 inclusive)]. Kazan' Kazanskaya gorodskaya uprava [Kazan City Council] Publ., 1898. (In Russ.)
14. Shalyapin F.I. Stranitsy iz moei zhizni; Maska i dusha [Pages from My Life; Mask and Soul]. Moscow, Knizhnaya palata, 1990, 462 p. (In Russ.)
15. Bilsel Gana. The Ottoman Port City of Izmir in the 19th Century: Cultures, Modes of Space Production and the Transformation of Urban Space. In: *7 Centuries of Ottoman Architecture: "A Supra-National Heritage"*. Istanbul, 2000, pp. 225–233. (In Engl.)
16. Etnograficheskoe opisanie Kazanskoj gubernii [Ethnographic Description of the Kazan Province]. In: *Zhurnal MVD [Magazine of the Ministry of Internal Affairs]*, 1841, Vol. XXXIX, pp. 406–407. (In Russ.)
17. Yukhimenko E.M. Staroobryadcheskii tsentr za Rogozhskoi zastavoyu [Old Believer Center Beyond the Rogozhskaya Outpost]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi [Handwritten Monuments of Ancient Rus] Publ., 2012, 280 p. (In Russ.)
18. Lipakov E.V., Afonina E.V., Dolgov E.B. [et al.]. Respublika Tatarstan: pravoslavnye pamyatniki (seredina XVI – nachalo XX vekov) [The Republic of Tatarstan: Orthodox Monuments (Mid-16th – Early 20th Centuries)]. Kazan', Fest Publ., 1998, 303 p. (In Russ.)
19. Kartasheva, E.I. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' kuptsov-staroobryadtssev i staroobryadcheskikh obshchin Kazani v kontse XIX – nachale XX v. [Charitable Activities of the Old Believer Merchants and Old Believer Communities of Kazan in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In: *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya [From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region]*, 2022, Vol. 12, no. 1, pp. 9–27. (In Russ., abstr. in Engl.)
20. Amirkhan Fatikh. Na pereput'e [At the Crossroads], trans. from Tatar. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo [Tatar Book Publishing House], 1979, pp. 26–33. (In Russ.)
21. Salikhov, R.R., Khairutdinov R.R. Istoricheskie mecheti Kazani [Historical Mosques of Kazan]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo [Tatar Book Publishing House], 2005, 191 p. (In Russ.)